

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ, ВОЗНИКШИЕ ПРИ ЧТЕНИИ СТИХОВ ЮРИЯ БИРСКОГО

Передо мной сборник стихов Юрия Бирского, охватывающий период с 1957 года, когда поэту было 25 лет, по 1976 год, когда, по неизвестной мне причине, он стихи писать перестал. Если бы мне потребовалось в одном предложении выразить впечатление от его стихов, по крайней мере ранних-написанных до 1972-го года, то я бы воспользовался выражением, которое Андрей Синявский употребил применительно к творчеству Пастернака-удивление перед чудом существования. Он писал: «Удивление перед чудом существования- вот поза, в которой Пастернак навсегда застыл, замороженный своим открытием: « опять весна».

Эта тема, или, вернее сказать, эта интонация проходит красной нитью через все раннее творчество Бирского. Мир в его стихах неизменно нов: автор не довлеет ему, не навязывает какую-то концепцию восприятия бытия, будь то печаль по безвозвратно ушедшему, пустота жизни или мечты о прекрасной даме; и, хотя все эти темы, естественно, временами возникают в строфах стихов, но не они их движущая сила. Такой силой, как мне представляется, является стремление автора запечатлеть мгновенное состояние сознания, несущее в себе звуки, запахи, краски, воспоминания, «...автомобилей гуденье, чириканье птиц, телефонные звонки, вентиляторов шум равномерный, и волнение, и грусть, и тревога ».

Метафорой новизны, неповторимости мира служит ветер, про который автор говорит:

«...Прислушайся, и если растворишься,
Поймешь, что ветер вечно в переливах,
Он то, что в этот миг случилось с миром,
И более не повторится.»

Отстраненно- просветленное восприятие позволяет автору открывать в явлениях, традиционно принимаемых как негативные, некую иную сущность, например, благословлять торжество бессонниц :

«... Что мы без них? Пусть властвуют они...»

Ее Величество Природа присутствует во всех стихах Бирского. Человек может не обращать на нее внимание, воспринимать лишь как фон своих переживаний. Но это, именно, она неустанно работает над тем, чтобы побежали ручейки, тронулись реки,... наступил март. Поэт призывает нас: приглядиись

«...Какая кропотливая работа
Ведется у природы в мастерской,
Все штопается, чинится , лудится,
Мильен стешков, мильен ударов молоточком,
Мильен семян, несущихся над миром.
Затягивает раны на деревьях,

Чеканит стволы,
Осыпает иголки лучей,
Поражает пожарами дня,
Бесприютною тьмою ночей. »

« Осенний лист
Истлел
И держится
На тонкой арматуре ».

«... Тем временем как лист древесный тлеет
На осени медлительном огне...»

« Желто- оранжевый цвет побеждающей осени;
Кроет поля изумруд проступающей озими;...»

Таков парадокс жизни: человек ждет весну- пробуждение природы, а радость ему приносит ее увядание- осень.

Многие произведения Бирского написаны белым стихом. Рифма либо отсутствует, либо « плавает », появляясь где- ни будь в начале, середине или в конце стиха, как бы показывая, что она есть, она может быть, но так ли уж велика необходимость в ней? И необходимости иногда, действительно, нет: стих держится единством образа, внутренним ритмом, а ускользающая рифма придает всей конструкции изящество и изысканность.

Впрочем, Бирский вполне владеет и классическим рифмованным стихом. Им, например, написаны такие прекрасные стихи как «Троица»:

« Над миром тополиный пух
И взмах березовых листов
И будоражит глаз и слух
То птичий крик, то блеск крестов...»

или «Дерево в городе»;

« Остановись в толпе. Людской прибой
Кипит вокруг, и ветер рвет дыханье.
Но неподвижность обретя как строй
Душевный- прорасти ветвями и листвою,
Стань шумом, шелестеньем, колыханьем...»

Не отказывает он себе порой и в блаженстве писать без знаков препинания. Отвергнув это завоевание цивилизации, слова складываются в предложения так, как они складываются в голове: без скобок, без запятых без двоеточий.

«... только ли это ты хочешь сказать
только ли это
только ли то что ты хочешь сказать
имеет значенье...»

Так и хочется поставить здесь вопросительные знаки, начать с заглавной буквы и так далее. Но понимаешь, что делать это не следует, иначе пропадет то ускользящее настроение, которое витает в этих строчках.

Бирский, как многие пишущие люди, пытается решить очень сложную задачу: передать ощущения своей молодости, так, по крайней мере, я воспринимаю поэму «Апрельские лабиринты». Поэма лишена сюжета, но насыщена ощущениями: ощущением от входа в подворотню, от подъема по лестнице, от встречи с любимой женщиной, от беседы со своим двойником, от движения как такового (и может быть это- главное).

«...Но вот рывок- и резвость бегуна,
Препятствие- и цепкость альпиниста.
Внезапная как вспышка ясность мысли...»

И все это вместе создает ощущение апреля, когда...

«...нам сумрачно светили
остатки дней дождливых
неоновые ливни сводили нас с ума
горело небо веще но страшно и зловеще
мигала и манила рубиновая тьма...»

В более поздних стихах (например, « Стихи из блокнота » 1970- 1976 гг.) радостно- восторженное мироощущение ранней лирики начинает уступать место более печальному, созерцательно- меланхолическому настроению.

« Угрюмый дождь скосил глаза...».

«Унылые гудки электровозов...».

« Незнание своего призванья...».

И хотя мир в этих стихах так же изменчив как и в ранней лирике, но переживание этого изменения несколько иное:

« Постоянство? Какое там!
Нет такого закона в природе,
Есть лишь ветхая серая шаль
Ноября. Но и это проходит».

В « Стихах из блокнота » есть прекрасное описание процесса стихосложения, которое мне хочется привести целиком, памятуя, что как следует из общего заглавия сборника: « Стихи слагаются нечасто».

«Из чистого желанья возникая,
Клубясь как дым бесформенно и мощно,
Стих сам рисует контуры свои
И сам меняет их, и – формясь, формясь –
Затвердевает словно воск в воде

И каменеет как чугу́н в изде́лье.
И тут уж ничего с ним не поделатъ:
Не переплавить, не переписать...
Он влит в свое обличье и живет
Самостоятельно, красавец иль урод.»

Особое место в творчестве Бирского занимают переводы Каммингса-американского поэта 20-го века. Почему Бирского заинтересовал этот поэт, относительно малоизвестный в России.? На этот вопрос трудно ответить. Может быть их сближала постоянная переключка с природой: с ветром, с миром растений:

“A wind has blown the rain away and blown
the sky away and all the leaves away,
and the trees stand...”

(« Ветер унес с собою небо и унес
с собою дождь и листья все с собою
унес. Деревья же остались...»)

Заметим, кстати, что и ветер и деревья, как уже было сказано, постоянно присутствуют в собственной лирике Бирского.

Может быть их сближало обольщение писать без знаков препинания, или, вернее, то, что создает это обольщение- стремление уловить сполна «...в ловушку строк загадочность улыбки старинное свечение волос...», и многие другие оттенки, ассоциации, переходы, порой неожиданные, неочевидные, допускающие разные прочтения, где знаки препинания сковывали бы фантазию читателя.

Может быть что-то еще.

Каммингс создает как- бы свое « синтаксическое поле », где очевидно, что здесь *он* хозяин, и это *его* дело, где поставить абзац, а где многоточие:

«...мы друг для друга: и затем,
в моих руках, ты клонишься, смеясь
да, точно: жизнь не (абзац)
и смерть не (многоточье)...»

Иногда создается впечатление, что Каммингс играет в слова и приглашает читателя поучаствовать в этой игре... Представляю, как бы досталось и Каммингсу, и Бирскому, и всем нам в советское время за формалистические упражнения, хотя, в сущности, если знаешь во что играешь, и тебе понятны правила игры, то что же тут плохого? Впрочем, разумеется, поэзия не нуждается в оправданиях.

Переводы Бирского- это, в каком- то смысле, продолжение его собственной поэзии, сохраняющее технику стихосложения и ритмический узор, присущий в особенности стихам 70- х годов. В тоже время, погружение в мир Каммингса привносит новые темы, образы и краски.

Стихи Каммингса по колориту более драматичны чем собственная лирика Бирского, Если доминирующим мотивом Бирского, по крайней мере в ранней лирике, как мы уже отмечали, можно считать удивление перед фактом существования, то Каммингс склонен погружаться в мрачные стороны жизни: мироощущение самоубийцы, ужас перед своим отражением в зеркале:

“Гримасу клоуна на черепе гориллы
(где раньше твердость губ и ясность глаз)
мне отразило зеркало сейчас;
я только форма, а внутри все сгнило, ...”

(Стихотворение вызывающее ассоциации с зеркалом Ходосевича:

« Я, я, я, что за страшное это слово,
разве мама любила такого?...»

Тема влюбленности в женщину (Женщина- это мир!) звучит в стихах Каммингса более страстно чем в собственной лирике Бирского.

«Я ношу твое сердце (его я ношу в своем сердце)
без него не ступлю я ни шагу (куда бы
ни направился я дорогая и что бы ни сделал...»

Строки, напоминающие восточную поэзию, например « Газели» Хафиза:
«...Не один ты, ты с любимой, ничего и не надо...»...

Стихи Каммингса (как оригиналы так и переводы) могут не восприниматься сразу: их красота открывается при вдумчивом повторном прочтении. Особенно интересно сопоставление оригинала и перевода, чему способствует форма их расположения. Подчас. Бирский, улавливая смысл оригинала, передает его несколько иначе чем автор, что, впрочем, естественно для любого стихотворного перевода. Например: « В пору нарциссов бледно- желтых (*преодолевших смерть и прах*)...»; в оригинале

(*who know the goal of living is to grow*) то есть буквально (*которые знают, что цель жизни- расти*). Это же касается и ритмической структуры стиха, где переводчик не всегда следует за автором, хотя рифма некоторых переводов точно соответствует рифме оригинала, как например, в прекрасном стихотворении « Вот этот сад, меняются цвета... » (“ This is the garden: colors come and go...”)

Читателям, (к которым относится и автор этих строк), не владеющих в совершенстве английским языком, переводы Бирского помогают почувствовать прелесть оригиналов , которая по- началу не кажется очевидной. Однако, прочтя несколько оригиналов, параллельно с переводами, начинаешь чувствовать прелесть других оригиналов, читая их, не заглядывая в перевод (или словарь). В этом отношении можно сказать, что Юрий Бирский открыл нам Каммингса так же как Андрей Сергеев широко представил русскому читателю Томаса Элиота и Роберта Фроста.

Говоря в целом о лирике Юрия Бирского и о его переводах, хочется сказать примерно следующее: порой трудно провести грань между хорошо рифмованной прозой, (которая, по- своему, может быть прекрасной), и поэзией, также как трудно провести грань между рисованием (самым замечательным) и живописью, но смотришь на полотна Сислея и понимаешь- это художник, читаешь стихи Бирского и понимаешь- это поэт.

Рижское взморье. Апшудиемс.
06.08. 2010